

Социальный капитал и идеологические ориентации

В российском обществе ярко обозначились принципиальные расхождения между условной «Москвой» как социокультурным Центром и иными типами поселений, уже как антиподами Москвы, представляющими другие варианты эволюции страны | **ЛЕВ ГУДКОВ**

Массовые демонстрации и акции протеста, начавшиеся в Москве в декабре 2011 года и продолжающиеся до сих пор, равно как и ответные, пропутинские митинги, сделали очевидной разнородность социального пространства России. Сегодня еще неясно, как будет развиваться протестное движение, сможет ли оно повлиять на структуру государственного управления. Трудно оценить как социально-политические ресурсы протестующих, так и силу сопротивления им со стороны власти и поддерживающих ее групп. Очевидно, однако, что интересы сторон принципиально различны, причины для массового недовольства не устранены (и неустранимы), готовность высшего руководства к диалогу отсутствует. Это означает, что ситуация будет неизбежно становиться все более конфликтной. Развертывание этой коллизии определит социально-политические сюжеты предстоящего десятилетия в России и — тем самым — коридор возможностей для продолжения курса на модернизацию страны.

Векторы эволюции основных сегментов российского общества существенно различны: одни из них движутся в направлении европеизации, другие стагнируют, третьи медленно, но необратимо деградируют.

Успешная эволюция системы предполагает, что идеи вестернизации и демократии (ценностные представления, задающие направление развития, тяга к изменениям) отвечают характеру групповых и институциональных интересов влиятельных кругов. Новые социальные формы — партии, движения, организации, иницилирующие процессы институционализации изменений, — возникают именно благодаря подобному соединению идей и интересов. Однако такая институциональная «завязка» в истории авторитарных или посттоталитарных режимов случается редко и всегда в ситуации раскола интересов политической и поддерживающей ее интеллектуальной элиты, с одной стороны, и бюрократии (как было, например, во время горбачёвской перестройки) — с другой. Гораздо чаще группы интересов и «идеологи» (интеллектуалы и политики, предлагающие программы преобразований) индифферентны по отношению друг к другу. Материальные интересы тех, кто так или иначе зависит от власти (бизнес, особенно крупный; социальные группы, включенные в процессы интенсивной вертикальной мобильности; средний состав чиновничества, академическая и научная среда, деятели культуры и т. п.), тяготеют к сохранению статус-кво, принуждая других (индивидов,

группы) адаптироваться к существующему социальному порядку. Обычно «идеологи» недоучитывают интересы тех, кто стоит за сохранение существующего положения вещей, и переоценивают потенциал изменений. Организационная слабость оппонентов господствующих групп вынуждает большинство населения сопротивляться переменам или принимать их пассивно, приспосабливаться к ним, не меняя своих основных представлений, моральных норм, образа жизни.

Идея перехода от авторитарного или тоталитарного режима к открытому обществу была идеальной «дорожной картой» представлений о будущем страны в 1990-е годы¹. Но в настоящее время подобная схема представляется неадекватной для понимания положения дел, сложившегося к концу 2000-х, и еще менее продуктивной в качестве метода сценарного прогнозирования развития страны на ближайшие 10–12 лет.

Это заключение может быть подкреплено следующими аргументами:

- реформаторы (или «модернизаторы», если обозначать их на языке поздних 2000-х) оказались отеснены от инструментов власти, изолированы от СМИ и других каналов влияния на общество;
- они потеряли связь с материальными интересами больших масс населения (обеспечение существования, безопасности и рост потребления) или не сумели достойно их представлять в публичном поле;
- надежды (или иллюзии) большинства населения на улучшение жизни перехвачены властью.

После того как завершилось формирование путинского режима, Центр не просто сменил символический вектор политики — произошла стерилизация потенциала модернизаторов, в массовом сознании была дискредитирована сама идея необходимости трансформации институциональной системы (а значит — вытеснены из него все мысли о буду-

щем страны, направленности ее развития). Представления, присущие Периферии, были приняты Центром как системообразующие символические структуры; тем самым функциональные отношения Центр — Периферия оказались радикально перевернуты: провинциальные, вторичные по своей идеологии лидеры, институты и политические программы (исполнительная власть, полицейский контроль, распределение) оказались символами целого, определяющими характер, приоритеты и цели для всей общественной системы (возращение к прошлому, восстановление великой державы). При этом собственно функции Центра — артикуляция ценностей и целеполагание (а также их механизмы: открытые дискуссии, политические партии, парламент) — были подавлены и остались в рудиментарном, недоразвитом состоянии.

В каждой такой ситуации вынужденного социального перелома или разлома прежних структур происходит отбор худших по своим социальным (человеческим) качествам людей во власть; худших в том смысле, что их ресурсом является способность к нарушению прежних норм или свобода от моральных ограничений. В ситуации дезориентированности (в пространстве возможностей), без моральных авторитетов и направляющих, всегда идет выравнивание по худшему из вариантов.

Интересы путинского режима (самосохранение, с одной стороны, и присвоение государственных доходов — с другой) потребовали — в соответствии с массовыми ожиданиями — усиления прежних перераспределительных функций бюрократического государства. Легитимность господства в этой новой ситуации обязана уже не идеям изменения и интеграции с Западом, а «стабильности» и «социальному государству», дополненным великодержавным традиционализмом и «консервативной модернизацией» (а по существу — идеологией антиреформизма).

Популистская демагогия путинского «социального государства» (национальные программы, систематическое повышение социальных выплат, помощь молодым и многодетным семьям и т. п.) стала важнейшим фактором, обеспечивающим доверие к власти среди больших групп населения, ее социальным капиталом.

Доверие к институтам и типы социального капитала

Остроумная типология Натальи Зубаревич («Четыре России»²) среди прочего указывает на одно чрезвычайно важное свойство российского социума: отсутствие или крайнюю слабость единых (сквозных, пронизывающих все социальное пространство) институциональных структур, которые определяли бы условия и нормы поведения большей части людей в России. Самоочевидность «единства социального пространства» — это иллюзия или утопия централизованного административного контроля. Подобная точка зрения характерна лишь для высшего руководства страны, централизованной бюрократии и экспертного сообщества, ориентированного на интересы правящей элиты. Если же исходить из «реальности» (которую могут представлять, например, материалы этнографических, демографических, социологических или экономических исследований), то Россия предстает как рыхлое, слабо структурированное и слабо интегрированное сообщество, которое правильнее было бы считать агломератом разных локальных сообществ, существенно различающихся по своим ориентациям, жизненным запросам, стратегиям адаптации и образам жизни.

Само это условное единство удерживается лишь тремя тотальными социальными институтами: силовыми или *репрессивными органами*, механически интегрирующими всю страну, *федеральными каналами ТВ*, которые подчинены задачам пропаганды и политиче-

ского контроля, включая целенаправленную политику развлечений, и *всеобщей средней школой*, обеспечивающей первичную социализацию и воспроизводство коллективной идентичности постсоветского человека.

Этих трех институциональных подсистем явно мало для органической интеграции российского общества. Российская институциональная система связывает общество лишь по самому нижнему, содержательно бедному уровню общности, к которому относятся система общих полицейских ограничений плюс минимальный состав символической, государственно-сертифицированной культуры, без которого оказываются невозможными коммуникативные и управленческие взаимосвязи, да массовый развлекательный «телемассаж». Этого минимума недостаточно для инициирования процессов развития, то есть структурно-функциональной дифференциации общества (или, по-другому, процессов «модернизации»). Развитие означает постоянный процесс прогрессирующего формирования специализированных, а потому относительно автономных и независимых от власти областей социальной жизни (экономика, наука, культура, образование, суд, политика, общественность и т. п.), связанных между собой через обмен ресурсами, правовыми нормами или моральными принципами, механизмами солидарности и общими ценностными представлениями.

Путинское государство, вторгаясь в эти области, разрывает сложные функциональные связи между ними (и без того довольно слабые), подавляя тем самым источники и стимулы самоорганизации общества. Эволюционный процесс в результате не останавливается, но резко замедляется. Институциональные дефициты компенсируются патрон-клиентскими отношениями (как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях). В отсутствие тотальной идеологии и практики массового террора

и репрессий государство в конечном счете неизбежно вырождается в децентрализованную структуру коррупционных или мафиозных связей и отношений, которые используют государственную монополию на легальное применение насилия как инструмент защиты и обеспечения материальных интересов правящей клики и бюрократии.

То, что создает общность институциональной системы в современных развитых странах, а именно *общее экономическое пространство* (внутрироссийский рынок, в том

семейных бюджетов, третьи — на иные структуры полунатуральных обменов и взаимозачетов, «эквивалентность» которых не может быть генерализована, а потому ограничена конкретной ситуацией взаимодействия. Тем более нельзя говорить о едином правовом или политическом пространстве, а соответственно, о значимости универалистских норм, правил, ценностей и институтов. Апроприация власти, отсутствие обратной связи между институтами власти и обществом неизбежно оборачиваются разрывами

“Россия предстает как агломерат разных локальных сообществ, различающихся по своим ориентациям, жизненным запросам, стратегиям адаптации и образам жизни”.

числе общий рынок труда, универсализм денег), *органы представительской власти* (демократия), *правовое поле или правовое государство* (независимый суд, законодательство, нацеленное на обеспечение гражданских прав и равенство сторон в судебном процессе), *транспортно-коммуникационные системы* (дороги, инфраструктура, связь, Интернет³), — сегодня в России отсутствует и не может в обозримое время возникнуть. Социальное пространство представлено в виде агрегата частных, местами даже изолированных, партикуляристских зон, в которых действуют различные нормы и неформальные предписания, не всегда открыто выраженные конвенции и соглашения, механически соединенные между собой полицейским надзором.

Даже деньги здесь не играют роль универсального посредника, поскольку разные группы населения располагают разными типами денег (хотя сегодня их и не так много, как было в советское время). Одни группы ориентированы на валютный курс, другие — на рубли текущей зарплаты, не имея стратегических ресурсов для планирования

социального и правового пространства. Существование «общества» как системы отношений, основанных на взаимных интересах и солидарности (а не на господстве и подчинении), крайне затруднено или даже практически невозможно, поскольку авторитарная власть последовательно проводит политику стерилизации любых попыток «воссоздания его снизу» — через локальные выборы, через организации гражданского общества, через независимые СМИ, — устанавливая множество барьеров и препятствий для свободной инициативы и волеизъявления граждан⁴.

Когда говорят, что «пространство — проклятие России», то под этим подразумевают, что общество не в состоянии преодолеть специфический тип социальной структуры — территориально-пространственную организацию как агломерацию отдельных анклавов со своими вертикалями, иерархиями авторитарной власти (президента, губернатора, мэра). Такая организация — признак примитивности социокультурной системы общества, неразвитости (или деградации — как посмотреть) ее институциональной системы.

Пространственные метафоры общества, представленные в типологии Зубаревич, при всей их эвристичности и продуктивности обладают некоторыми внутренними ограничениями — жесткой привязкой социальной организации к территориальным образованиям. С социологической точки зрения было бы правильнее или корректнее говорить о том, что выделенные ею типы обществ — Россия-1, Россия-2 и т. д., или типы социально-культурных структур, представляют собой модели («идеальные типы» — вспомним Макса Вебера), характеристики которых

с разными сетями общения и взаимодействия, с разными образами жизни (а значит, и потребления). У их обладателей разные горизонты ожиданий и оценки событий, разные модели политического поведения. Иначе говоря, специфика социального капитала обусловлена характером институционального контекста.

Условия, благоприятные для быстрого развития (усложнения социальной структуры), возникают только в зоне притяжения крупных городских агломераций (мегаполисы и крупнейшие города России с численностью

“Даже в условиях авторитарного режима медленно и трудно, но все же складываются предпосылки для формирования другой системы институтов”.

можно обнаружить во всех поселениях, но их удельный вес будет существенно различаться в структурах разной сложности. Несомненно, Москва может служить примером зоны или анклава модерности, поскольку по своим характеристикам, по уровню европеизации она в наибольшей степени приближается к западным обществам. Но и в Москве существуют пласты архаической и традиционалистской культуры и соответствующего ей поведения⁵, равно как и социальные слои, отмеченные всеми признаками России-2 или России-4, но функциональная значимость и распространенность таких пластов будет сильно различаться в зависимости от типа поселения⁶.

Для наших целей представляется более адекватной типология Ричарда Роуза, руководителя исследовательской программы *New Russia Barometer*, который выделял *домодерные, модерные и антимодерные* основания для фиксации и описания социального капитала в России⁷. Различные виды социального доверия, образующие институционализированный «социальный капитал», соотносятся

населения около миллиона человек и выше). Только здесь в силу ряда факторов — концентрации населения, высокой специализации занятости, обуславливающей дифференциацию институтов и групповое многообразие, — возникают не просто новые, а более сложные формы социальной регуляции, требующие, в свою очередь, новых посредников в виде рыночной экономики и более развитой, в сравнении с тоталитарным социумом или авторитарным режимом, коммуникативной инфраструктуры. Социальный, экономический, информационный и культурный плюрализм оказывается, таким образом, фактором «принуждения» к появлению новых отношений, для которых характерны анонимность, безличность, надстраивание над личными и групповыми отношениями корпуса формальных (универсалистских) норм и императивов поведения, будь то правовых или моральных, а также ценностных механизмов регуляции. С их появлением постепенно возникает и тип личности (который мы называем «современным, или европейским, человеком») — более свободной от непосредственного окружения

и прямого социального контроля, более мобильной, ориентированной на обобщенные, «идеальные» образцы социального доверия, признания и GRATIFICATION. В отличие от родственно-семейной, соседской или этнообщинной взаимосвязанности здесь действует избирательная солидарность, руководствующаяся императивами этики ответственности, а не предписаниями традиции или коллективного заложничества, характерного для советских «рабочих коллективов». Другими словами, на фоне доминирующего в российском обществе типа «советского человека», сотканного из множества ограничений (а не стимулов к действию), иерархического, лукавого, испытывающего разнообразные фобии (нового, чужого, сложного), сознающего себя заложником коллектива, а потому пассивного и терпеливого, постепенно выделяется новый тип индивида. Этот индивид в меньшей степени зависит от власти, поскольку исходит из того, что собственным благополучием он обязан не «отечески заботливому» государству, а себе самому, своей более высокой профессиональной квалификации и образованию, интенсивным усилиям. Такой человек оказывается менее фрустрированным и более свободным от идеологических комплексов, не испытывая по отношению к российской власти априорной лояльности или благодарности. Его социальный капитал основан на сложной системе генерализованных социальных правил и отношений, построенных на знании того, как работают социальные институты, на развитом социальном воображении, позволяющем понять других людей, и на возникающем из этого упреждающем доверии к малознакомым людям, а не только к принадлежащим к близкому кругу друзей и родственников. Это доверие и составляет каркас современного, современного общества.

Эта новая институциональная среда, возникающая в мегаполисах, опосредованно связана с гораздо более высоким уровнем

жизни (средняя зарплата в Москве в 2,5 раза превосходит аналогичные показатели по России). Более высокий уровень жизни связан с освоением новых производственных навыков и с повышением профессиональной квалификации, которые отвечают запросам и требованиям постиндустриальной экономики (по Зубаревич) информационного, сервисного и высокотехнологического общества, готовностью к переобучению, мобильности и смене сектора занятости. Образ жизни в крупнейших мегаполисах близок — или, скажем более осторожно, приближается по своим характеристикам к образу жизни в европейских развитых странах, который мы называем «модерным»⁸. Сами по себе эти явления говорят о том, что даже в условиях авторитарного режима, ограниченной политической свободы, цензуры в СМИ и деформированной публичности медленно и трудно, но все же складываются предпосылки для формирования другой системы институтов. Однако из этого следует, что даже когда подобные институциональные «завязи» «принимаются» и начинают «расти», они могут существовать и функционировать исключительно как анклавные структуры современной организации жизни внутри немодерного общества. Изолированный характер этих явлений, усиливая влияние каждого из перечисленных факторов и сил, создает специфическую атмосферу российской модерности, не выходящую за границы столицы и других крупнейших городов.

Иной тип социального капитала, условно говоря, «домодерный», традиционный или примордиальный, представлен в большей степени средой малого города и села. Социальное доверие здесь базируется на непосредственно личных, неформальных связях, групповых и соседских отношениях, этнической или этноконфессиональной солидарности и не выходит за пределы рутинных повседневных обязательств и под-

держки, а также за пределы общности интересов, отстаиваемых перед лицом произвола местных властей, ничем, кроме обычая, не ограниченного. Это зона в лучшем случае инерционного, в худшем — деградирующего существования людей, озабоченных более всего сохранением сложившегося образа жизни и потребления. «Физическое выживание» выступает здесь как жизненная стратегия, как императив частного и семейного существования. В этой среде идея последовательного улучшения жизни, повышения ее качества не возникает; речь может идти

врагов и т. п.) возникли еще в советские времена и устойчиво воспроизводятся в качестве символов национального единства и легенды власти. Других общих представлений в этой среде и быть не может из-за отсутствия альтернативных каналов информации и интерпретации происходящего. Поэтому периферия оказывается хранилищем представлений предшествующей эпохи¹⁰.

Самым важным для понимания перспектив эволюции России сегодня следует признать антимодернизационный тип социального капитала. От изменений этого типа институ-

“Крупному бизнесу руководство страны отдает предпочтение, спасая за его счет технологически отсталые, но в сознании властей ключевые отрасли”.

лишь об удержании того, что есть. Горизонт запросов определен возможностями пассивной адаптации к изменениям, навязываемым извне. Крайняя ограниченность ресурсов (материальных, образовательных или связанных с профессиональной квалификацией) обуславливает низкую социальную мобильность и тем самым застойный характер бедности и нищеты.

Особенностью этой среды является скудость информационных источников и ограниченный горизонт событий. Фактически речь может идти лишь о двух-трех каналах федерального ТВ, местном радио или районной (как правило, еженедельной) газете, которые и задают общие рамки понимания событий и процессов, происходящих в стране и мире. Не будучи связаны с повседневными интересами, проблемами и нуждами этих людей, централизованные СМИ превращаются в систему воспроизводства рутинных коллективных мифов, доступных для понимания таких людей, но не проверяемых их практическим опытом⁹. Подобные мифы (образ враждебного окружения страны, внутренних

ционального доверия зависит будущее всего целого, ибо в силу большей численности этого массива голоса именно этих людей оказываются решающими в ситуациях смены или передачи власти.

Антимодернизм как уклад жизни представляет собой смесь опыта существования и инерции советского образа жизни (приспособление к репрессивному государству с его практиками уравнительной, распределительной экономики) с новыми идеологизированными формами, которые активно использует путинский авторитаризм (к последним можно отнести сформировавшийся за прошедшие десять лет религиозный фундаментализм, компенсаторный русский национализм, политический консерватизм). Сам по себе этот образ жизни уйти не может, так как такой уклад жизни (и соответствующий тип социального капитала) обусловлен существующей территориально-отраслевой структурой экономики, отражающей характер советской военно-промышленной и репрессивной модернизации (1930—1970 годы), а значит, и специфику расселения, которая мало изме-

нилась с советских времен. Его обладатели составляют социальную базу путинского авторитаризма, они хранители советского прошлого, его символов, ценностей, праздников и ритуалов. По существу, эта резервация социализма определяет основной вектор эволюции России. Высокое доверие к персоналиям высшей, но авторитарной власти представляет собой перенос на «национального лидера» представлений, характерных для сферы доиндустриальных отношений, что, естественно, парализует низовой уровень институциональной организации и тем самым блокирует модернизационное развитие целого. Низкое доверие в социальной сфере (к «незнакомым людям») свидетельствует об отсутствии формальных институциональных норм регуляции — права, морали, гражданских институтов. Поэтому низовое доверие к «своим» компенсирует институциональные дефициты, но одновременно стерилизует потенциал универсализма и модерности.

Реформы начала 1990-х способствовали консолидации лишь крупного бизнеса, который связан в первую очередь с добывающими отраслями и отраслями неглубокой переработки сырья, работающими на экспорт. (Малый и средний бизнес, оказавшись под прессом коррумпированной бюрократии, борется за выживание и развивается крайне медленно.) Именно крупному бизнесу руководство страны отдает предпочтение, спасая за его счет технологически отсталые, но в сознании руководства страны ключевые, стратегически важные с точки зрения геополитики и статуса «великой державы» отрасли промышленности (машиностроение, ВПК и проч.). Перераспределительная политика государства при Путине спасала эти отрасли от полного краха, но одновременно лишала их потенциала самостоятельного развития, поскольку при таком вмешательстве государства в экономику свободная конкуренция и переток капитала были невоз-

можны. Правительственная политика консервировала технологическую и социальную стагнацию, поскольку отсталым технологиям и оборудованию соответствовала низкая производственная квалификация работников, а значит, и сохранение низкого уровня жизни населения, закрепленного за этими предприятиями. Социальная среда в малых и средних городах, сложившаяся как результат советской планово-распределительной экономики (в том числе как следствие принудительной структуры расселения), характеризуется сильнейшей инерцией, низкой социальной мобильностью и ярко выраженным хроническим недовольством и рессентиментом, фрустрацией, высоким уровнем социальной дезорганизации и аномии¹¹. Эти социальные группы выступали и выступают против приватизации крупной частной собственности, настаивают на доминировании государства в экономике (или, как минимум, контроле правительства над рынком, ценами, ответственностью). Но вместе с признанием приоритета интересов государства над частными и индивидуальными интересами, негативным отношением к частной собственности, беспокоемством из-за усиления социального неравенства, завистью к богатым и многому другому, что предопределяет неприятие новых моделей отношений, возникает стойкое массовое сопротивление рецепции индивидуалистических ценностей и представлений, которое закрепляет социальный консерватизм и поддержку режима, защищающего якобы простого человека от власти «олигархов» или алчности Запада.

Социальное доверие в контексте авторитарного режима

Опросы общественного мнения показывают, что доверие к институтам власти совпадает с массовым признанием их символической роли — функциональной значимости в воображаемой картине реальности, их важности

для поддержания социальной структуры и организации российского общества. Структура институционального доверия воспроизводит характернейший разрыв: символическая значимость авторитарных институтов (президент — персонифицированная суверенная власть, церковь — ведомство «веры», армия), с одной стороны, и недоверие к институтам, определяющим возможности политического участия граждан, которые способны артикулировать взгляды гражданского общества, коллективные мнения и интересы (сюда относятся профсоюзы, партии, НКО, парламент) — с другой. Отрицательные, хотя и не столь низкие, оценки получают также институты, контролирующие нормы повседневного социального поведения: местная власть, полиция, суд (см. таблицу 1 на с. 15).

За подобным распределением институционального «доверия» у россиян можно видеть сохраняющиеся радикалы когда-то единой структуры тотального государственного идеологического и террористического господства. От той модели государственного управления сегодня остался лишь фантом патерналистской власти, имитирующей некоторые черты «партии-государства». Лишенный коммунистической идеологии, режим утратил характерную для советской эпохи легитимацию «светлым будущим», важнейшей частью которой был социальный оптимизм, заботливо поддерживаемый пропагандой. Когда в результате череды социальных и экономических кризисов и потрясений 1990-х годов у населения исчезла эта иллюзия обеспеченного будущего, уверенность, если не в «лучшем», то хотя бы в гарантированном неухудшении повседневной жизни, институциональная система предстала в своем обнаженном виде авторитарного и коррумпированного режима, опирающегося главным образом на силовые структуры (прокуратура, суд, полиция, армия и т. п.). Схожий процесс

падения доверия и легитимности власти повторился осенью 2008-го и стал в конечном счете причиной массовых протестов 2011–2012 годов.

Абсолютное большинство социальных институтов, вне зависимости от их формально-правовой природы, по инерции воспринимается россиянами как продолжение прежних органов государственной власти — репрессивной, бесконтрольной, коррумпированной бюрократии, предназначенной исключительно для защиты режима или обслуживания интересов высшей власти. Органы государства, по мнению большинства населения, не ориентированы на удовлетворение запросов и интересов населения страны. Поэтому «неполное» или частичное доверие, точнее, смесь вынужденного, принудительного «доверия» с настроенностью (к другим людям, к формальным институтам, а также — с сильнейшим, но латентным, практическим недоверием — ко всему сложному, новому, субъективному, непонятному, вызывающему страх и агрессию) является социальной доминантой поведения абсолютного большинства россиян в постсоветское время. Структура подобных установок очень стабильна и мало меняется на протяжении всего времени наблюдений (более 20 лет).

Показатели институционального доверия распределяются в социальном пространстве следующим образом: степень доверия к институтам снижается от самых молодых респондентов (а также низкообразованных), демонстрирующих наибольшую поддержку власти в целом и конкретно Путину, к 30-летним россиянам, более зрелым и более образованным; от жителей средних и малых провинциальных городов (максимум доверия) к москвичам (максимум недоверия к власти); от неинформированных групп — к самым информированным гражданам, использующим все каналы получения информации и доступа к Интернету; от депрессированных

Таблица 1

ДОВЕРИЕ К ОСНОВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ					
СТРАНА	Полное доверие	Неполное доверие = частичное недоверие	Полное недоверие	Затруднились ответить	Индекс доверия
Премьер-министр (Путин)	52	31	9	8	42
Президент (Медведев)	50	34	9	7	41
Церковь, религиозные организации	49	25	10	16	39
Армия	37	36	13	14	24
СМИ	30	47	16	7	14
Правительство	30	45	17	8	13
Органы госбезопасности, спецслужбы	26	37	16	21	10
Региональные власти	28	40	22	10	6
Российские банки	24	39	18	19	6
Малый и средний бизнес	23	39	18	20	5
Совет Федерации	22	44	17	17	5
Прокуратура	22	37	21	20	1
Госдума	21	47	22	10	-1
Местные власти	23	41	26	10	-3
Суд	19	43	22	16	-3
Милиция	20	40	29	11	-9
Крупный бизнес	16	37	26	21	-10
Профсоюзы	16	31	26	27	-10
Политические партии	10	44	30	16	-20

Индекс доверия построен по формуле: ответы «полное доверие» плюс ½ «неполного доверия» минус ½ «неполного доверия» плюс «полное недоверие».

Ранжировано по индексу доверия; жирным шрифтом выделены институты с преобладающим «доверием». Октябрь 2011; в % к числу опрошенных. N=1600

групп — к социальным группам, обладающим наибольшими ресурсами (образование, профессиональная квалификация, социальные навыки общения, интеллектуальные средства интерпретации реальности, наконец, опыт жизни в сложной и комплексной социальной среде). Хотя различия в ответах опрошенных из разных социальных категорий не слишком велики, они устойчивы и статистически значимы, а кроме того, с течением времени углубляются. Другими словами, опорные, символически наиболее значимые институты социального порядка в России (национальный «лидер», плебисцитарный президент,

церковь, армия, политическая полиция) держатся на антимодернистском патернализме, посттоталитарном или остаточном великодержавном традиционализме. Институты насилия и принуждения составляют главный ресурс и доминантный тип социального капитала авторитарного режима. Результат работы этих институтов — отчужденное отношение, безразличие и индифферентность основной массы населения к органам государства, которое не зависит от воли и желаний людей, не подчиняется им и не контролируется ими. Эта специфическая «апатия», или «аполитичность» (массовое терпение), явля-

Таблица 2

ИНДЕКС МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ ¹²				
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?»				
А — «Людам почти всегда следует доверять»				
В — «Людам обычно можно доверять»				
С — «С большинством людей в отношениях следует быть осторожными»				
D — «Почти всегда в отношениях с людьми надо быть осмотрительным, людям нельзя полностью доверять»				
Страны	A + B	C + D	«доверять» / «не доверять»	Ранг
<i>В среднем по 24 странам</i>	42	58	0,73	-
Норвегия	81	19	4,26	1
Швеция	74	26	2,84	2
Новая Зеландия	69	31	2,22	3
Швейцария	68	32	2,12	4
Финляндия	67	33	2,03	5
Австралия	64	36	1,77	6
Япония	61	39	1,56	7
Фландрия (Бельгия)	48	52	0,92	8
Чехия	48	52	0,92	9
Южная Корея	46	54	0,85	10
Израиль	43	57	0,75	11
Словения	39	61	0,63	12
Тайвань	39	61	0,63	13
Франция	39	61	0,63	14
ЮАР	37	63	0,58	15
Латвия	34	66	0,51	16
Польша	30	70	0,42	17
Уругвай	29	71	0,40	18
Россия	28	72	0,38	19
Доминиканская Республика	27	73	0,36	20
Мексика	26	74	0,35	21
Хорватия	19	81	0,23	22
Филиппины	17	83	0,20	23
Чили	13	87	0,14	24

В % к числу опрошенных

ется несущей конструкцией всего «авторитарного» персоналистского режима Путина.

Функционирование полицейского государства, апеллирующего к коллективным ценностям и символам целого, к приоритету «государственных интересов», означает систематическое ограничение индивидуальной и групповой свободы (пространства

субъективной — индивидуальной или групповой — инициативы и активности). Контроль над гражданским обществом нацелен на то, чтобы стерилизовать любые возможности появления групповой социальной солидарности и автономности общественных образований, независимых от режима. Присутствие репрессивного государства в различных

сферах социальной жизни — будь то налоговый прессинг малого и среднего бизнеса или враждебность судебной системы по отношению к любым проявлениям частных интересов, особенно если они сталкиваются с интересами бюрократии, административный произвол, безальтернативный характер массового высшего образования, искусственный патернализм социальной сферы, непрекращающиеся попытки государственного регулирования частной повседневной жизни и морали и т. п. — порождает массовое ощущение уязвимости и незащищенности обычного человека и отсутствия социальных гарантий. Транспонирование государственного принуждения и насилия в сферу повседневного существования оборачивается диффузной агрессией, а потому хронически низким уровнем социального доверия в обычных человеческих связях и отношениях. Межличностное доверие фиксируется лишь в малых группах, где особенно значимы семейные, родственные, иногда соседские связи, тесные отношения между коллегами по работе или дружеские компании. Однако эти нормы и правила регулирования поведения апеллируют к партикуляризму частных этических обязательств, форм социального контроля и взаимной ответственности, что становится препятствием для принятия универсальных норм права, морали и формирования гражданской политической идентичности. Такие качества или такой тип «социального доверия» отчетливо проявляются при международных сравнительных исследованиях «доверия», то есть при сопоставлении российских данных с распределением ответов в других странах, которые получены в ходе социологических опросов, проведенных по общей согласованной методике (см. таблицу 2 на с. 16).

В России низкое межличностное доверие («большинству людей доверять нельзя, к ним следует относиться с осторожностью») коррелирует с низким уровнем признания инди-

видуальной ответственности, гражданской солидарности, с недоверием к политике или общественной деятельности, с отчуждением, дистанцированием от политики, негативным отношением к правительству и местной власти, депутатскому корпусу. Россияне признают, что не могут влиять на принятие решений властями разного уровня и не готовы участвовать в общественных делах или акциях, выходящих за рамки проблем повседневной жизни или партикуляристских связей (семья, родственники, друзья, коллеги, соседи).

Поэтому нерационализируемое, табуированное привычным страхом репрессий отношение к государству как квазисакральной сущности, представленное в виде остаточного патернализма и доверия к «вождям», руководителям высшего ранга, сочетается со стойким недоверием к тем властным институтам, которые определяют повседневную организацию практической жизни большинства людей, — к суду, региональным и местным властям, милиции, а также профсоюзам или политическим партиям, казалось бы призванным представлять и защищать интересы граждан¹³. Частный бизнес, гражданские организации или иные негосударственные социальные новообразования последних двадцати лет, выпадающие из привычной картины планово-распределительной, централизованной государственной экономики, наталкиваются на сильнейшее недоверие населения (прежде всего бедной и депрессивной периферии, где новые рыночные отношения не сформировались или представлены еще в своем примитивно-хищническом виде) и воспринимаются как нелегитимные, мошеннические и полукриминальные, даже если они формально не преступают закон¹⁴. Особенно это касается крупного бизнеса, тесно связанного с высшими кругами руководства страны, в меньшей степени — среднего и малого бизнеса¹⁵. Иначе говоря, наибольшие сомнения вызывают новые

Таблица 3

ОТНОШЕНИЕ К ПУТИНУ (ВОПРОС: «КАКИМИ СЛОВАМИ ВЫ МОГЛИ БЫ ОБОЗНАЧИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К В. ПУТИНУ?»)											
2001—2012 годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2010	2011	2012
Восхищение	4	5	4	4	4	6	9	9	4	3	3
Симпатия	34	37	38	30	32	32	38	40	31	28	20
Не могу сказать о нем ничего плохого	38	37	39	35	36	36	34	31	38	36	33
Нейтральное, безразличное	11	9	10	14	11	13	9	10	11	18	19
Настороженное	8	6	4	7	5	4	4	3	7	4	10
Не могу сказать о нем ничего хорошего	3	3	3	7	8	5	2	3	6	5	8
Антипатия + отвращение	1	1	1	3	2	1	2	1	2	3	10
Сумма ответов «безразличное» + без негатива	49	46	49	49	47	49	43	41	49	54	52
+/-	3,2	4,2	5,2	2,0	2,4	3,8	5,9	7,0	2,4	2,6	0,8

N=1600, в % к числу опрошенных

структуры власти, лишённые традиционной либо привычной советской идеологической легитимности.

В самом отношении к Путину (носителю высшей власти) нет признаков признания личностной «харизмы»; он не национальный лидер, каким его поспешили провозгласить придворные льстецы из «Единой России», а продукт бюрократической интриги, сомнительной — с правовой точки зрения — комбинации с целью передачи власти. Здесь важно, что сами механизмы отбора кандидатов на посты высшей власти имеют принципиально не политическую природу, они не предполагают свободную конкуренцию, массовую оценку политических качеств кандидата и публичные, то есть партийные, критерии отбора. Поэтому в образе Путина отсутствуют признаки «политического» деятеля.

Признание такого авторитета предполагает безальтернативность занимающего эту позицию, а следовательно, свободу от ответственности перед обществом, его суверенность в качестве обладателя данного символического статуса. Экспликация

этого консервативного смысла очень важна, поскольку вся область государственных отношений, тем более отношений к носителям титулов высшей власти, сильнее всего образом мистифицирована. В общественном сознании она окружена множеством табу, которые не только препятствуют рационализации и пониманию функций этой роли, но и через множество негласных, «обычных» запретов делают крамольной и даже безумной саму мысль о возможности воздействия на власть или контроля над ней, тем самым подавляя саму возможность личного участия обывателя в политике.

Как видим (таблица 3 на с. 18), позитивные установки по отношению к Путину имеют не слишком высокую степень «интенсивности». Максимум выражения этих «теплых» чувств (отнюдь не горячего энтузиазма или эйфории, что следовало бы предполагать со стороны подданных подлинного харизматического лидера) приходится на предкризисные 2007—2008 годы. После этого симпатии к нему быстро снижаются и, напротив, растёт потенциал неприязни и неприятия.

Таблица 4

ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЛОЗУНГИ "РОССИЯ БЕЗ ПУТИНА", "ПУТИН ДОЛЖЕН УЙТИ"? (БЕЗ ЗАТРУДНИВШИХСЯ С ОТВЕТОМ)			
	определенно поддерживаю+ скорее поддерживаю	скорее не поддерживаю + совершенно не поддерживаю	+/-
В среднем	19	65	0,29
Социально-профессиональный статус			
Предприниматель	36	50	0,72
Руководитель	30	62	0,48
Специалист	21	69	0,30
Военнослужащий	0	100	-
Служащий	10	65	0,15
Рабочий	19	64	0,30
Учащийся	23	64	0,36
Пенсионер	18	69	0,26
Домохозяйка	21	67	0,31
Безработный	19	56	0,34
Место жительства			
Москва	28	46	0,61
Большой город	15	67	0,22
Средний город	22	62	0,35
Малый город	20	66	0,30
Село	17	73	0,23

Апрель 2012, в % к числу опрошенных, N = 1601

Однако даже после волны антипутинских демонстраций доминанта массового отношения остается практически той же самой, что и раньше. Колебания суммы ответов «относятся безразлично» не превышают статистически допустимых пределов (в среднем 48% +/- 3,4%). Среди «недовольных» Путиным (их доля, бывшая на протяжении десяти лет сравнительно небольшой – в среднем 10–11 проц., в 2011–2012 году увеличилась до 28 проц.) выделяются лишь москвичи, а также две специфические категории занятых: предприниматели и менеджеры средней руки (хотя даже в этих группах недовольные не составляют большинства), которым противостоят силовики и пенсионеры (см. таблицу 4 на с. 19).

Тот же эффект безальтернативности (отчужденности, пассивности) мы видим в отношении к политическим фигурам и ко всей политической системе. Рейтинг первых лиц в государстве (с наведенной телевидением «харизмой» и с навязанным пропагандой «доверием») превышает в три раза рейтинг следующих по списку персонажей – лидеров политических партий или влиятельных министров. Данный показатель (рейтинг) не опирается ни на прагматическую оценку результатов деятельности руководителей государства (она довольно низкая), ни на одобрение, ни на доминирование личной симпатии, ни на какие-то другие позитивные чувства. Этот эффект обусловлен влиянием статуса, высшей социальной позиции в бюрократической иерархии. (Его можно считать

Таблица 5

ИНТЕРЕСЫ КАКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЛАДИМИР ПУТИН?												
Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2010	2011	2012
“Силовиков”: работников спецслужб, армии, МВД	32	36	33	30	32	41	34	39	27	34	31	37
“Олигархов”, банкиров, крупнейших предпринимателей	21	18	25	16	24	23	23	18	22	26	26	36
“Среднего класса”: людей с доходами выше среднего	18	23	23	23	16	21	24	31	24	27	26	27
Государственных чиновников, бюрократии	12	19	23	14	22	22	21	19	16	24	24	26
“Директорского корпуса”: руководителей крупных предприятий	11	16	18	11	13	13	12	13	14	18	18	21
“Простых людей”: служащих, рабочих, труженников села	21	18	17	17	15	18	18	24	21	20	20	18
Бывшего ближайшего окружения Ельцина, “семьи”	24	22	21	17	18	14	13	13	9	11	10	15
Культурной и научной элиты	8	9	7	8	6	8	7	10	8	10	10	9
Интеллигенции	10	9	6	10	6	6	7	10	7	10	10	8
Всех без исключения	10	11	10	13	8	10	10	11	10	7	10	7
Затрудняюсь ответить	19	14	12	16	13	11	12	13	13	13	13	9

Ранжировано по 2012 году, в % к числу опрошенных, N=1600

проявлением «сакрального» отношения к власти, которое по-прежнему сохраняется даже притом, что в последнее время оно подверглось некоторой эрозии^{16.})

Технология самосохранения нынешнего российского режима основана на систематическом блокировании процессов функциональной дифференциации социальной структуры общества (институциональной и групповой). Автономность ведущих социальных групп и институтов (суд, университеты, СМИ, искусство, наука, бизнес, НКО и т. п.) постоянно подавляется, в частности, им административно отказано в праве обладать собственными ресурсами. Тем самым идет принудительное «замораживание» наи-

более активных групп, которые обладают интеллектуальным, квалификационным, продуктивным потенциалом, а значит — независимостью от власти, способностью к поддержанию представлений о сложности окружающей реальности или к рецепции чужих идей. Напротив, делается упор на слои и группы «пассивного терпения», не выдвигающие особых запросов к качеству и уровню жизни. Соответственно, у последних не возникает и моральных претензий к власти, к политическим целям и средствам, тем более не возникает сама идея партийной или персональной ответственности политиков и функционеров за принимаемые ими решения. Сохранение этого режима означает, что в

любой ситуации, требующей решения, выбора целей, власти принимают всегда «самый простой» и «очевидный» вариант политики, оказывающийся в перспективе наихудшим из возможных, но отвечающий консервативным интересам верхушки власти. Общественное мнение вполне осознает эту репрессивную и консервативную природу нынешнего режима, но таковая не вызывает особого сопротивления из-за навязанного чувства безальтернативности и сознания невозможности что-то сделать, каким-то образом повлиять на власть (см. таблицу 5 на с. 20), защищающую интересы лишь олигархической и клановой «верхушки», «начальства», а не общества.

Сознательно и последовательно проводимая кремлевской администрацией политика примитивизации общественной жизни, вытеснения из нее той проблематики, которой озабочено само общество, закономерно вела к деградации сферы политики. В интеллектуальном плане последствиями этого стала реанимация давно отработанных и самых стертых клише советской идеологии. Одновременно это укрепило позиции Русской православной церкви, чей публичный дискурс и практика еще беднее в ценностном и психологическом плане, включая в себя призыв к антизападной и антииндивидуалистической, антилиберальной и антимодернистской политике государства. Благодаря откровенной поддержке патриархом и высшими иерархами режима Путина, апологии любых его действий, включая войну на Кавказе или преследование оппозиции, РПЦ получила более широкие возможности для влияния на общественную жизнь, в том числе и сферу образования. Сегодня церковь, рассматривающая себя как «государствообразующий институт», навязывает обществу крайне консервативную идеологию «русской православной цивилизации», опирающуюся на идеи исключительности русского народа, его превос-

ходства над другими. За ней стоит не только враждебность к западной культуре (а значит, и дискредитация идеи модерности и модернизации), но и подчеркнутое неприятие принципа «прав человека», а значит, и демократии, и правового государства. При этом РПЦ проявляет равнодушие к собственно религиозной миссии — евангелизации, задачам этической рационализации современной жизни, моральной работе с населением. Вместо этого насаждается практика магического обрядоведения, подчиняющего прихожанина воле священника и церковной иерархии. Агрессивный обскурантизм РПЦ стал подходящим суррогатом коммунистической идеологии в области просвещения, культуры и навязываемой обществу традиционной «нравственности»¹⁷. Поэтому быстрее всего распространение влияния РПЦ шло в социальной среде, характеризующейся антимодернизационным социальным капиталом. (См. статью Светланы Солодовник в этом номере *Pro et Contra* на с. 32–46.)

Идеологические ориентации

Поскольку возможности публичных дискуссий и условия критической рационализации политики власти существенно ограничены, происходит консервация политических и идеологических представлений населения, особенно заметная среди носителей антимодернизационного социального капитала. Так, если брать сферу представлений о предпочтительной модели экономики или политической системы, с которыми россияне связывают свои интересы в настоящем или будущем, то основная масса населения высказывалась и высказывается за хорошо знакомый ей вариант государственно-распределительной экономики (в среднем на протяжении десяти лет путинского правления эту систему одобряли 54 проц. опрошенных). Она не слишком отличается от советской, хотя сторонников реставрации советского

Таблица 6

КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ БОЛЕЕ ПРАВИЛЬНОЙ: ТА, КОТОРАЯ ОСНОВАНА НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИИ, ИЛИ ТА, В ОСНОВЕ КОТОРОЙ ЛЕЖАТ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ?												
Год, месяц опроса 2001–2012	2001 V	2002 I	2003 III	2004 III	2005 XI	2006 XI	2007 XI	2008 III	2009 II	2010 II	2011 I	2012 I
Государственное планирование и управление	56	53	56	53	51	55	54	51	58	57	54	49
Рынок и частная собственность	30	36	34	34	36	31	29	31	28	30	30	36
Затруднились ответить	14	11	10	13	13	12	17	18	14	13	16	15

В % к числу опрошенных, N=1600 во всех случаях, кроме опроса 2002 г. (N=4500)

Таблица 7

КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ ЛУЧШЕЙ: СОВЕТСКАЯ (ТА, КОТОРАЯ БЫЛА У НАС ДО 1990-Х ГОДОВ), НЫНЕШНЯЯ СИСТЕМА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ ПО ОБРАЗЦУ ЗАПАДНЫХ СТРАН													
Год, месяц опроса 1996–2012	1996 III	1997 II	1998 XII	2000 II	2003 III	2004 III	2005 XI	2006 XI	2007 XI	2008 II	2009 II	2010 II	2011 II
Советская	39	45	43	45	48	41	42	39	35	24	34	34	35
Нынешняя	8	9	5	13	18	19	23	27	27	36	19	27	26
Западная	28	26	32	29	22	24	20	18	19	15	23	20	20
Другое	7	7	7	5	6	5	5	6	7	7	8	7	6
Затруднились ответить	18	13	13	8	6	12	10	10	12	18	16	12	13

В % к числу опрошенных, N = 1600

стройка сегодня насчитывается чуть больше трети (см. таблицы 6 и 7 на с. 22).

Важно подчеркнуть не только поразительную устойчивость этих мнений, но и ретроспективный характер образцов для оценки и интерпретации происходящего. Изменения государственно-политических или, точнее, политико-идеологических установок отличаются менее жестким или более эластичным характером (поскольку они не в такой степени обусловлены привязкой к производственной структуре и образу жизни): во второй половине 1990-х годов на фоне общего падения жизненного уровня и разочарования россиян в реформах усилился консервативный, ностальгический тренд массовых настроений, желание вернуться назад к привычным формам советского социализма (с 39 до 48 проц. в 2003 году), но затем, по мере роста заработной платы и общих доходов, значи-

тельная доля населения стала более лояльной к власти и более склонной принимать наличный государственный порядок, символизированный Путиным, как оптимальную модель государственного устройства, ранее отвергаемую большинством населения. Путинизм достиг пика своего признания – вместе с длившимся в течение 5–7 лет повышением уровня жизни – к концу эпохи «стабильности» (до начала финансово-экономического кризиса). В феврале 2008-го эту систему выбрали 36 проц. опрошенных. Одновременно при этом снизилась привлекательность как «советской системы», так и «западной демократии» (в первом случае с 48 до 35 проц., во втором с 28–32 до 15 процентов).

Кризис заставил подвергнуть сомнению путинскую систему «управляемой демократии» (к 2011 году она все еще казалась привлекательной для 34–35 проц. респондентов,

Таблица 8

КАКОЙ ПАРТИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИЛЕ ВЫ СЕЙЧАС СИМПАТИЗИРУЕТЕ?													
Год, месяц опроса, 1997—2012	1997 IV	1998 IV	1999 IV	2000 IV	2001 IV	2002 IV	2003 IV	2004 IV	2005 IV	2006 IV	2007 IV	2012 I	2012 IV
Коммунистам	24	28	27	27	27	25	20	14	16	14	15	16	13
Демократам	16	17	14	25	16	14	16	17	17	11	16	22	17
Патриотам	4	4	4	4	4	3	3	5	7	5	3	5	5
Партии власти	2	3	1	9	5	9	8	13	14	14	17	18	18
Центристам	2	2	3	1	2	1	3	1	2	1	1	3	1
Другим	3	4	3	1	2	2	2	1	3	2	1	2	3
Никому, ни одной из имеющихся	40	28	36	26	38	37	40	40	35	46	37	24	31
Затрудняюсь ответить	10	15	12	7	8	10	8	9	6	8	10	11	11
Сумма «Никому» + «затруднились ответить»	50	43	48	33	46	47	48	49	41	54	47	35	42

В % к числу опрошенных, N=1600

но при этом увеличилось и количество растерянных, затруднившихся с ответом), одновременно несколько повысив и ценностный ранг западной демократии (особенно – видимо, по контрасту – сразу после начала кризиса: с 15 проц. до 23 в 2009-м и 20 проц. в 2011 году).

Рутинность институционального контекста, а стало быть, неизменность типа потребления и самого уклада жизни в провинции объясняет слабую дифференциацию идеологических ориентаций и взглядов большинства россиян. По существу, основные изменения в этом плане можно описывать скорее как эрозию стереотипов коммунистической идеологии, а не появление каких-то новых идей и взглядов. Изменения в этом плане сводятся к частичному замещению ее миссионерской составляющей более давними по происхождению и еще более консервативными великодержавными и националистическими мифами. С другой стороны, можно отметить некоторое смягчение и расширение идеологии государственного патернализма за счет более сложной картины социального государства, посте-

пенного включения в него представлений о рынке и бизнесе, находящемся под контролем государства. Подобная риторика «социальной ответственности бизнеса» частично легитимирует механизмы коррупции и размывает саму суть правового государства. Но такое отступление от советской модели означает, что государство мыслится уже менее репрессивным и как бы более ориентированным на социальные запросы населения.

Именно такой смягченный вариант авторитарного режима (с ослабленным милитаризмом, отказом от идеологической или военной экспансии, без репрессий и «людоедства», без жесткой цензуры) кажется сегодня если не оптимальным, то, во всяком случае, приемлемым для той части населения, которая поддержала его на прошедших выборах.

Вместе с тем подчеркну, самая большая группа респондентов – от 40 до 50 проц. – не идентифицирует себя с какой-либо существующей партией или общественным движением (см. таблицу 8 на с. 23). Другими словами, электоральная поддержка разрешенных

Таблица 9

КАКОГО ТИПА ГОСУДАРСТВОМ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?		
1	Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 года	3
2	Социалистическим государством с коммунистической идеологией	10
3	Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	34
4	Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	19
5	Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	29
6	Затрудняюсь ответить	5

Октябрь 2008, в % к числу опрошенных, N=1600

начальством партий никак не связана с идеологическими установками избирателей или же идеологические ориентации населения очень слабо артикулируются нынешней партийной системой в России.

Более половины опрошенных (см. таблицу 9 на с. 24; сумма ответов № 4, 5, 6 = 53%) вообще не имеют каких-либо представлений о том, в каком государстве — западном, рыночном... они хотели бы жить. Для них эта сфера интеллектуальной или публичной жизни практически не существует.

Более четкими и структурированными оказываются взгляды москвичей и предпочтения образованных слоев, групп, обладающих социальной компетентностью и более широким информационным горизонтом. Предпочтения западной демократии в большей степени артикулированы москвичами, а в целом — людьми более образованными, предпринимателями, менеджерами и специалистами, студенческой молодежью, то есть принадлежащими к тем группам, представители которых участвовали в столичных акциях протеста. Напротив, полная индифферентность к политическому устройству своей страны, равно как и приверженность к советскому социализму (а значит, просто интеллектуальная неспособность сознавать сложность проблем модернизации и перехода к демократии), отличает село и малые

города, рабочих, безработных и пенсионеров, людей с образованием ниже среднего (см. таблицу 10 на с. 25).

Характер массовых протестов

Массовое социальное недовольство, подавляемое административными средствами или полицейским принуждением, скрываемое цензурой, вытесненное из публичной сферы (вплоть до кризиса 2008 года), сегодня стало все сильнее проступать на поверхности общественной жизни. Протестные движения в Москве указывают на рождающийся спрос на совершенно другую институциональную систему, основанную на моральных ценностях, а значит — высоких требованиях к человеческим качествам политиков, а также на социальной справедливости, правосудии, принципах ответственной политики (то есть отвечающей тем социальным критериям, которые выдвигает общество, а не корпорации или самодостаточная власть), на нежелание более терпеть произвол этой власти.

Дело не только в публичном признании противоречий между более продвинутой частью общества и режимом или в новых формах его выражения. Хроническое недовольство, фиксируемое в провинции, периодически прорывалось и ранее в разнообразных локальных конфликтах провинциального населения с местной администрацией или

Таблица 10

КАКОГО ТИПА ГОСУДАРСТВОМ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?			
	Социалистическим государством с коммунистической идеологией	Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, подобным странам Запада	Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья
В среднем	3	34	29
Москва	5	57	18
Большой город	12	40	18
Средний город	9	34	26
Малый город	10	28	36
Село	12	28	34
Предприниматель	2	44	17
Руководитель	7	57	18
Специалист	8	43	23
Военнослужащий	15	27	19
Служащий	8	36	29
Рабочий	10	31	35
Учащийся	11	42	12
Пенсионер	18	21	27
Домохозяйка	2	44	29
Безработный	3	35	37
Высшее образование	9	45	21
Среднее образование	8	38	27
Образование ниже среднего	15	22	35

Приводятся распределения социально-демографических характеристик тех респондентов, которые выбрали варианты ответа 2, 3 и 5 в таблице 9 на с. 24

руководством предприятий, на которых занята большая часть жителей, но этот вид протестов и неудовлетворенности был вызван, как правило, отказом государства от выполнения своих социальных обязательств и накопившимися социально-экономическими проблемами, которые остались от советских времен и которые власти так и не смогли решить.

Сами по себе эти обязательства, вне зависимости от того, как они формулируются в официальных программах, представляли собой (и представляют в настоящее время) определенный минимум социальных гарантий (обеспечение работы, жилья, медицинского обслуживания, образования, социальных

пособий и прочего), компенсирующих привычно низкий уровень частного существования — доходов, зарплаты, пенсий и т. п. Общераспространенная бедность или принудительный аскетизм запросов повседневной жизни были терпимыми при советской власти, поскольку, с одной стороны, «так жили все», а с другой — значительная часть потребностей покрывалась государством, «проявлявшем заботу о людях». Сегодня этой «заботы», по мнению абсолютного большинства российского населения, проявляется все меньше и меньше.

Причины такого восприятия социальной политики государства заключаются не только в абсолютном сокращении объема

социальных услуг, предоставляемых государством в соответствии с законом¹⁸. Другая проблема состоит в резко выросшей социальной дифференциации доходов у разных групп, вызывающей острую социальную зависть, рессентимент у большей части населения, с трудом готовой мириться с благополучием «новых русских» (не олигархов!). Противоречие здесь заключается в том, что социальные обязательства государства (наряду с идеологией великой державы) входят в качестве важнейших компонентов в общую легенду легитимности власти (образ патерна-

До некоторой степени эти напряжения в массовом сознании снимались путем переноса ответственности за исполнение подобных обязательств с представителей высшей государственной власти, персонифицированных хозяев «государства» (президента, премьер-министра) на администрацию более низкого уровня — «государевых бояр», «олигархов», местных чиновников, руководство предприятий. Канализация этого недовольства в безопасные для режима формы определяет устойчивость путинского авторитарного режима, поскольку, не меняя природы массовых ожи-

“То, что ранее казалось составной частью процесса модернизации, теперь выступает как ресурс антимодернизационных сил”.

листской власти или — в более современной форме — социального, социально ответственного государства). Поэтому социальная справедливость является условием массовой лояльности населения к действующему руководству страны. Неуклюжие попытки трансформировать эти патерналистские отношения и снизить размеры социальных обязательств, предпринятые правительством в январе 2005 года, как известно, вызвали протест социальных низов такой силы («восстание слабых», как назвал эти события Юрий Левада в одной из своих статей), что власти, испугавшись, не только отказались от самой идеи «монетизации» социальных льгот и привилегий, но и резко увеличили их объем, положив тем самым начало росту необеспеченных социальных расходов, которые теперь грозят углубляющимся дефицитом госбюджета.

Однако этот тип массового недовольства не представляет острой угрозы сложившейся политической системе, поскольку не затрагивает символических оснований ее конструкции, доверия к ее опорным институтам.

даний, она вводит в действие механизмы коллективного терпения, углубляя привычную для советских людей атмосферу безальтернативности, беспомощности и апатии.

В отличие от таких акций протеста, как забастовки или перекрытие дорог, конфликты в Пикалево или на шахте «Распадская», нынешняя волна демонстраций не имеет непосредственно экономического характера. Выборы 2011-го, столь же нечестные и несвободные, как и предшествующие им электоральные кампании 2003–2004 и 2007–2008 годов, оказались поводом для выражения массового недовольства принципиально нового типа. То, с чем российское общество мирилось все годы путинского правления — политическая безответственность и неподконтрольность государства, отсутствие политической конкуренции, административный произвол, коррупция, цензура на телевидении, ограничение доступа к СМИ для оппонентов режима, масштабные фальсификации при подсчете голосов избирателей и т. п., — все это сегодня стало предметом ожесточенной критики и обсуждения в прессе и в Интернете.

Хотя митинги и публичные выражения протеста имели место в более чем 140 городах, в большинстве случаев это были малочисленные акции, собиравшие, как правило, не более нескольких сотен активистов оппозиционных партий или неформальных объединений. Москва в этом ряду представляет собой редкое исключение: в московских демонстрациях протеста, которые с каждым разом все отчетливее приобретали оппозиционный по отношению к режиму характер, принимали участие десятки тысяч человек. На общем фоне столица резко выделяется явным антипутинским голосованием на парламентских и президентских выборах, отказом признать легитимность этих выборов, а значит, и непреходящими сомнениями в праве действующей власти на управление страной. От настроений жителей других городов столичные отличаются отсутствием социально-экономических претензий к руководству страны при ярко выраженном моральном характере протеста против узурпации власти и требований реформы политической и судебной системы.

Долгие годы Москва рассматривалась как острое эволюционного процесса или перехода от советского тоталитаризма к демократии, как город-лидер, за которым с некоторым отставанием следуют города-миллионники, региональные центры с меньшей численностью, периферийные поселения и т. д., перенимающие модели поведения и стандарты столичного образа жизни, потребления, моды, образцы интерпретации действительности. Такая схема модернизационной диффузии, заимствования новых образцов, возникающих в зонах социокультурного многообразия, обычно описываемая в теориях урбанизации или концепциях социальной антропологии как механизм «спуска образца», была понятной и убедительной. В Москве фиксируется самая высокая концентрация групп с наивысшей профессиональной ква-

лификацией (более половины экономически активного населения — люди с высшим образованием) и, соответственно, с самыми высокими среднедушевыми доходами. Москва — средоточие финансовых и информационных потоков. Это город, обладающий наибольшими в стране социальными и культурными ресурсами, развитой рыночной инфраструктурой, ценностным и культурным плюрализмом, потребительским экспрессионизмом. Она является сильнейшим магнитом, притягивающим жителей провинции, она вбирает в себя самых динамичных и дееспособных людей (17–18 проц. городского населения — это люди, сравнительно недавно живущие в городе, то есть приехавшие в столицу не более чем 10 лет назад) и т. п.

Но сегодня такая схема центр-периферических отношений, в которой столица является локомотивом модернизации, в значительной степени утратила свою эвристическую способность объяснения и прогнозирования социальных процессов. На поверхность вышли принципиальные расхождения между условной «Москвой» (как социокультурным Центром) и другими типами поселений уже как антиподами Москвы, то есть представляющими в определенном смысле другие варианты (а не фазы!) эволюции страны. То, что ранее казалось составной частью единого процесса модернизации, в том числе социальные, городские или слободские образования, относимые к предшествующим — индустриальным — стадиям советской модернизации, теперь выступает как ресурс антимодернизационных сил, по крайней мере в политическом плане.

Прогноз (вместо заключения)

Прогнозный сценарий развития российского общества можно делать, опираясь на данные имеющихся социологических исследований. В силу характера этих данных (выделение массовых, а значит, неизбежно консервативных

тенденций общественного мнения и закономерностей его изменения) выводы могут быть надежными только в той мере, в какой достоверен сам социологический анализ этих тенденций или рамок предстоящей эволюции.

1. Коридор возможного течения событий определяется сочетанием неизвестных обстоятельств (социальные последствия возможного мирового экономического кризиса, неожиданные события, способные вызвать острую реакцию в России) и структурами организации российского социума, прежде всего опорными институтами насилия, мало меняющимися на протяжении жизни последних двух поколений. Как видно из приведенных выше данных, идеологические изменения в характере массовых установок и в понимании реальности незначительны, что свидетельствует о рутинном функционировании нынешней институциональной системы и социализации в ней новых поколений. По крайней мере, этот вывод относится к социальному капиталу большей части населения. И интересы, и идейный багаж основной массы россиян связывают ее с нынешней системой власти, противодействуя изменениям.

2. Эволюция российской политической жизни будет по-разному протекать в анклавах с разным типом социального капитала, а значит, с разными политическими установками и с разным уровнем зрелости институциональной системы. Соотношение массивов населения, обладающих выраженными признаками какого-то из указанных типов социального капитала, можно — приблизительно — представить следующим образом: 20 проц. всего населения принадлежат к типу наиболее модернизированной и развитой среды крупных городов, 35—40 проц. — к антимодерному типу и 20—25 проц. приходится на домодерную, традиционалистскую Россию.

3. Никаких позитивных изменений не следует ожидать в зоне домодерных социальных отношений: здесь нет мотивов и ресур-

сов для самостоятельного движения, а все изменения являются отражением событий и импульсов, возникающих в других регионах и социальных группах. Фактически масштабы изменений в этой зоне будут определяться явлениями деградации и оттока населения в среды с другими типами социальных отношений, с одной стороны, и возможной политикой Центра и его готовностью стимулировать частичную модернизацию в отдельных застойных анклавах, если это будет соответствовать целям Центра (например, проведению Олимпиады в Сочи), — с другой.

4. Прямо противоположными по характеру развития будут процессы в наиболее модернизированных зонах и анклавах российского общества — в Москве и близких к ней крупнейших городах (включая зоны мегаполисных агломераций). Здесь, несмотря на все препятствия и усилия авторитарного режима подавить процессы эмансипации общества от власти, будет быстро идти аккумуляция современного социального капитала и нарастание недовольства и протеста против действующего режима. Основной проблемой для носителей современного капитала окажется состояние самого общества — необходимость преодоления политического инфантилизма и апатии населения. Переход от аморфных общественных движений к планомерному партийному строительству «снизу» и институциональным реформам может начаться лишь с создания предварительных альтернативных коммуникативных структур, с разработки автономной (и альтернативной по отношению к власти) повестки дня, создания «параллельного правительства» и управленческих структур, необходимых для накопления альтернативного кадрового потенциала, людей, обладающих опытом и достаточной компетентностью для того, чтобы в ситуации острого кризиса и раскола власти быть в состоянии взять на себя управление страной. Без подобного

опыта и необходимых кадров управленцев и специалистов, даже в (маловероятной) ситуации честных выборов и победы оппозиционного кандидата, власть довольно быстро вернется к прежней бюрократии, поскольку реформаторскому правительству будет крайне трудно удержать завоеванные позиции. Учитывая поколенческие циклы трансформации, можно полагать, что к 2024 году (гипотетический конец путинского срока) такой опыт будет приобретен и организационные структуры в этой зоне сложатся. Но пока признаков соответствующей работы в этом направлении нет.

5. Самые драматичные события будут происходить не в Москве и городской среде, подобной московской, а среди носителей антимодернизационного капитала. Именно там нарастающие социальные противоречия будут, с одной стороны, решаться благодаря появлению множества частных адаптивных механизмов самой разной природы — от альтернативных структур бизнеса и гражданского общества до распространения теневого криминального структур, снимающих напряжение через коррупционные или мафиозные системы отношений. Умножение этих форм, с другой стороны, будет блокировать возможности эволюционного развития страны, поскольку такое партикуляристское «большинство» подавляет и стерилизует условия для институционализации правового общества с универсалистской моралью и

общими правилами для всех. Вместе с тем увеличивается опасность крупномасштабной конфронтации в обществе, поскольку путинский режим все более открыто стремится возвести в общий закон собственные нормы нелегитимного господства (избирательное судопроизводство, коррупционное распределение государственного бюджета, полицейский «правовой» порядок и т. п.).

6. Фазы и типы политической эволюции в России будут определяться календарем электоральных кампаний, в первую очередь региональных выборов. Ожидаемые события вокруг этих выборов будут более важны для крупногогородского населения, и прежде всего Москвы, где складываются условия для альтернативных общественных и политических структур. Но какие-либо радикальные изменения в обозримом будущем — революционная смена или раскол элиты, перехват власти какой-то одной фракцией власти и инициирование ею радикальных реформ демократического толка — маловероятны, поскольку в обществе пока не выявлены силы, способные предложить новые формы организации.

7. Сам по себе мировой кризис не способен инициировать появление новых социальных форм или новых идей, он может лишь стимулировать или ускорить эволюцию уже существующих сил (групп интересов) в желаемом направлении и способствовать их консолидации. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Отчасти она жива еще и сегодня в разнообразных гипотезах и сценариях кризиса и краха путинского режима, которого, дескать, следует ожидать уже в самое ближайшее время. Возможно, так оно и будет, но твердых рациональных оснований для подобных расчетов (а не надежд) у нас пока нет.

² *Зубаревич Н.* Перспектива: Четыре России // Вестник. 2011. 30 дек. № 248 (3014) (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/273777/chetyre_rossii).

³ Интернет — не тотален, он охватывает лишь 37–40 проц. взрослого населения. Причем социально или политически ангажированная часть

всего Интернета составляет лишь одну пятую от всех его пользователей.

⁴ Хорошим примером этого служат новые законы о выборах глав регионов, в которых множество латентных условий и ограничений делают невозможной победу оппозиции.

⁵ Достаточно вспомнить о поклонении этой зимой поясу Богородицы, привезенному из Афона, который собрал, по разным данным, свыше миллиона богомольцев и паломников, или мусульманские праздники и ритуалы, в которых участвуют десятки, если не сотни тысяч человек.

⁶ Это не значит, что подобные представления не распространены в крупных городах — в обиходе предпринимателей, офицеров или крупнейших чиновников и политиков. Священник, окропляющий святой водой новое оборудование завода, «Мерседес-500» или спускаемый на воду подводный ракетноносец, иконки на приборной панели городской автомашины и т. п. могут служить типичными примерами для подобного магического сознания, сочетания современного, рационального, и архаического знания; общим для того и другого оказывается инструментальное поведение, технологическое в одном случае, колдовское, шаманское — в другом. Как выясняется, между ними нет серьезно противоречия.

⁷ *Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-Modern, and Anti-Modern // Post-Soviet Affairs. 2000. Vol. 16. No 1. P. 33–57.* Типология Зубаревич пересекается и частично совпадает с типологией Роуза. Обе обладают значительной эвристической силой именно потому, что почти две трети населения России живут в малых городах и сельских поселениях, в которых сохраняются традиционалистские представления и модели поведения, не говоря уже о советских стереотипах и образах мысли.

⁸ Можно ли при этом говорить об изменениях в ценностных представлениях, этике, в особенности в морали, или в трудовой этике, о новых стимулах и нормах поведения, растущей потребности в универсальных регуляторах, таких как право и мораль, о развитии социальном воображении как условия для взаимодействия в сложноустроенном, дифференцированном обществе с автономными институтами — вопрос открытый и пока вызывающий большие сомнения.

⁹ Для сравнения: в Москве или других крупнейших городах среднестатистический житель регулярно (не реже раза в неделю) использует

от 13 до 15 видов информационных источников, среди которых все большую роль играет Интернет. В Москве к Интернету подключены 69 проц. москвичей, что полностью разрушило монополию федерального телевидения. Даже учитывая, что лишь 27–30 проц. жителей Москвы регулярно обращаются к информационным сайтам, а большая их часть использует Интернет в деловых целях или для развлечения, чатов, скачивания фильмов и музыки, все равно речь идет о принципиально иной ситуации, нежели в стране в целом. Интернет ограничен пока главным образом крупными и средними городами (60 проц. пользователей Сети — жители Москвы и Санкт-Петербурга) и как социальное явление (сетевое сообщество) не проникает в среду малых городов и сел, где живет большая часть населения.

¹⁰ В зоне домодерного социального капитала внутренних изменений быть не может, но можно представить себе отдельные случаи внешнего стимулирования развития (как, например, в кадировской Чечне при Путине), правда, с невысокими шансами на изменение культуры и ценностей, скорее даже — с высоким риском возвращения к архаичному фундаментализму.

¹¹ Об этом более убедительно говорят данные социальной и криминальной статистики. Распад социальных связей и отсутствие перспектив оборачиваются в провинции гораздо более высоким уровнем социальной патологии — преступности, самоубийств (а также общей смертностью как от внешних причин, так и от сердечно-сосудистых заболеваний), чем в зонах интенсивного развития и модернизации. Так, например, в экологически не слишком благополучной Москве заболеваемость ниже, чем во многих провинциальных промышленных городах, по той только причине, что люди здесь в силу более высокого образования и организации жизни рациональнее и ответственнее относятся к своему здоровью. Число самоубийств в Москве (в расчете на 100 тыс. населения) составляет 8 случаев, тогда как в Башкирии — 48, а в регионах Дальнего Востока или Крайнего Севера эти показатели поднимаются до 80–110.

¹² Международный проект *ISSP «Доверие»*, реализованный по общей программе и согласованной анкете в 2007 году консорциумом исследователей из 24 стран. В России опрос был проведен Аналитическим центром Юрия Левады по общероссийской репрезентативной выборке (N=1000).

¹³ См.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4 (106). С. 7–43.

¹⁴ Стойкое недоверие российского обывателя к организациям гражданского (третьего) сектора и практически полный отказ от их поддержки, может быть, в какой-то степени объясняется идиосинক্রазией населения, вызванной практикой государственного принуждения к участию в псевдобровольных («добровольно-принудительных») институтах тоталитарного режима, к выражению лояльности власти через имитацию добровольности и к демонстрации «народного волеизъявления» — к участию в пионерских, комсомольских организациях, в обществах ДОСААФ, Красного Креста, пожарников, спасения на водах и т. п. Скептически россияне относятся и к деятельности суррогатных организаций типа Общественной палаты и иным формам государственной имитации самоорганизации общества. Несмотря на признанный авторитет некоторых НПО, таких как, например, «Солдатские матери» или «Мемориал», большая часть организаций гражданского сектора дискредитирована властью и воспринимается населением явно негативно. Поэтому систематически участвует в той или иной общественной организации менее одного процента населения, хотя формально числятся членами какой-либо общественной организации или союза около 10 проц. взрослого населения.

¹⁵ Основными препятствиями для развития бизнеса в начале 1990-х были не отсутствие кредита или доступа к новым технологиям, даже не административный произвол и коррупция, а дефицит доверия к партнерам по бизнесу, несоблюдение договоров, нечестность, необязательность при выполнении условий контрактов (см.: Общественный договор: Социологическое исследование / Под ред. Д. Драгунского. М.: Институт национального проекта «Общественный договор», 2001).

¹⁶ В ответ на предложение назвать «5–6 политиков, которым вы более всего доверяете», в 2012 году 42 проц. назвали Путина (в 2008-м 60 проц.) и 28 проц. — Медведева (в 2008-м 42 процента)

(<http://www.levada.ru/25-04-2012/aprelskie-reitingi-odobreniya-doveriya-i-polozheniya-del-v-strane>).

¹⁷ Как результат, более половины респондентов (из тех, кто называет себя «православными») никогда не посещают религиозных служб. От 80 проц. крещеных в 2001 году до 65 проц. их в 2011-м никогда не причащаются; 86–87 проц. никогда не принимают участия в деятельности православных церковных общин или мероприятиях церкви, не считая церковных служб (Общественное мнение 2011. М., Левада-центр. С. 171, табл. 13.3 и 13.4). Лишь 21 проц. опрошенных верит в «вечную жизнь», но в существование ведьм, ангелов и дьявола верят от 31–35 до 45 проц., в приметы — 58–63 проц. всех опрошенных. По существу, это полужызычное сознание, которое использует религиозные обряды или образы как обереги, талисманы и прочие магические или колдовские инструменты воздействия на духов, судьбу и тому подобные стихийные или злые силы, неподвластные обычному человеку. И, надо сказать, церковь устраивает такая ситуация.

¹⁸ Так, например, по сравнению с поздними советскими годами к концу нулевых годов коэффициент замещения (доля средней пенсии по отношению к средней зарплате) упал примерно с 68–70 проц. до 30–39 проц. и в ближайшие годы будет опускаться, несмотря на все популистские программы нынешнего правительства. Социологические опросы фиксируют растущее недовольство, связанное с деградацией советской системы здравоохранения и переходом к коммерческой медицине, ростом стоимости лекарств и услуг в этой сфере, делающих их недоступными для значительной массы населения, особенно в провинции, несмотря на введение страховой медицины. То же самое можно сказать о неудовлетворенности положением дел в детских учреждениях, их остром дефиците, недоступности жилищного строительства для основной массы населения, росте тарифов ЖКХ, постепенного обветшания жилищного фонда из-за ограниченности ресурсов населения на его содержание после резкого сокращения государственных субсидий.